

Брусиловский Денис Александрович

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ИСТИННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье автор рассматривает диалог как совместный поиск истинной культуры и предлагает новый подход к пониманию диалога: "диалог диалогу рознь". Задача автора заключается также в том, чтобы найти общий критерий прогресса культуры, так как в разрабатываемых ныне теориях и политических конструкциях все чаще глобализация не рассматривается как создание качественно новой культуры в цивилизационном развитии человечества. Представлена авторская позиция относительно основной причины затруднения межрелигиозного диалога и религиозного измерения межкультурного диалога в контексте виртуальной реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 53-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17.022.1:2; 141.45

Философские науки

В данной статье автор рассматривает диалог как совместный поиск истинной культуры и предлагает новый подход к пониманию диалога: «диалог диалогу рознь». Задача автора заключается также в том, чтобы найти общий критерий прогресса культуры, так как в разрабатываемых ныне теориях и политических конструкциях все чаще глобализация не рассматривается как создание качественно новой культуры в цивилизационном развитии человечества. Представлена авторская позиция относительно основной причины затруднения межрелигиозного диалога и религиозного измерения межкультурного диалога в контексте виртуальной реальности.

Ключевые слова и фразы: ценности; диалог культур; толерантность; мультирелигиозный центр; мультирелигиозная одежда; сознание.

Брусиловский Денис Александрович, к. филос. н.

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
denis6605@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ИСТИННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня в глобальном сообществе существует и обсуждается множество сценариев и вариантов будущего общечеловеческой культуры и места диалога в нем. Лично мы считаем, что человечеству необходим *новый подход к пониманию диалога*, так как в условиях глобализации *не выявлен критерий истинности качества взаимодействия культур, а диалог не всегда содержит в себе исключительно конструктивную направленность*. По этой причине как никогда актуализировалась проблема качества диалога, которое зависит от содержания в нем конструктивизма (созидательности) и деструктивизма (разрушительности) и от степени реализации качества диалога в интересах общества. Речь идет о том, что практика диалога может быть использована в корыстных целях и иметь негативные аспекты, поэтому *межкультурный и межрелигиозный диалог имеет свою ценность только при правильном понимании толерантности*. На наш взгляд, толерантность может иметь положительные стороны, когда порождает взаимную толерантность и сотрудничество, уважение к другим убеждениям и культурам, гармонию в многообразии. *И еще один важный момент – нам следует признавать также интолерантность в позитивном ключе, если под ней подразумевается нетерпимость к фашизму, геноциду, расизму, нацизму, социальной несправедливости; если она является проявлением принципиальности*.

В этой связи толерантность необходимо поддерживать в той части, где она продвигает идею конструктивного диалога. При этом предполагается, что конструктивный диалог должен по своему характеру строиться на гуманизме, равенстве, справедливости, уважительных отношениях между людьми, принадлежащими к различным культурам и религиозным традициям, добром совете и твердой аргументации, на соблюдении международного права и обеспечении свободы совести и вероисповедания, а также способствовать созданию атмосферы доверия между государствами. Именно в таком ключе диалог может сыграть важную роль на пути к формированию безопасного и справедливого миропорядка. При этом хотелось бы надеяться на то, что **диалог** – это не только допущение спора, но и **совместный поиск истинной культуры**.

В XX веке некоторые религиозные философы, мыслители, теологи были убеждены в кризисе культуры. Например, Павел VI и Иоанн Павел II ставили перед Римско-Католической Церковью задачу установления ее гегемонии в современной культуре на основе так называемого культурного плюрализма, определяемого Павлом II как «единство культуры во множестве культур» [15, с. 10]. Если предположить, что признание плюрализма культур – это только «техника приспособления Ватикана к существующим культурным реалиям, а диалог культур – это не более как “диалог спасения”, опирающийся на инструментальную трактовку как средство реализации основной цели католической церкви – универсальной евангелизации всего человечества» [Там же, с. 13], тогда содержание «истинной» культуры может быть только христианским, а принцип плюрализма относится лишь к внешним формам культуры. Однако то, что «облагораживает» человека, по мнению религии, может не иметь подлинной ценности с точки зрения потребностей общественного развития. К тому же если культуру понимать как способ существования человеческого общества, его самостождественность и самосознание, то здесь возникает проблема касательно критериев оценки культур с точки зрения их «истинности и ложности». Именно по этой причине нам интересно: существуют и нужны ли критерии оценки культур, приемлемые для глобализирующегося мира? Это важно, так как постоянная переоценка ценностей может привести к тому, что истина будет ничем не отличимой от лжи, от оправдания войн, терроризма, экстремизма, жестокости и насилия, размывания понятий добра и зла, нарушения прав человека, принципов равенства наций, культур и религий. В любом случае система ценностных ориентаций личности – это значимый элемент ценностных отношений в современном обществе, так как ценностные ориентации действительно не только на уровне сознания, но и на уровне подсознания, чувств и эмоций.

Очевидно, действо в рамках нашей темы необходимо вспомнить идею представителя неомизма Ж. Э. Никола. Он считал, что человеческий род предпринимает попытку покорения и познания мира с целью самореализации.

По этой причине он полагал, что через многочисленные цивилизации, которые люди создают, низвергают или оставляют для уничтожения, через собственную борьбу и бесконечную активность, человеческий род творчески создает и выражает себя. Более того, Ж. Э. Никола предполагал, что сам человеческий род на пути самореализации – объединяющий финал истории [17, р. 373]. С похожих позиций освещает социокультурный кризис немецкий философ-идеалист Г. Зиммель. Он рассматривал процесс роста культуры как процесс релятивизации высших ценностей. Если культура воплощает в себе высшие ценности, идеи, представления, благодаря которым якобы реализуются возможности человека, то общество находится в стадии развития, при этом возрастание ценностного содержания жизни представляет собой только количественный рост культурно оформленного материала жизни [4, с. 13]. Если же культура оторвалась от жизненной стихии, превратилась в чистую «логику», то она вступает в противоречие с потребностями самовыражения развивающейся жизни, поток жизни заменяет устаревавшую форму новой; процесс непрекращающегося становления жизни тождествен диалектике развития и смерти культурных форм. Другой немецкий философ-идеалист О. Шпенглер исходил из понятия органической жизни, подвергнутого безраздельному расширению, поэтому и культура трактовалась этим мыслителем как «организм», который, во-первых, обладает твердым сквозным единством и, во-вторых, не связан с другими сходными ему «организмами» [14, с. 45]. Это свидетельствует, что единой культуры, принадлежащей всему человечеству, не было и быть не может.

Говоря напрямую, культура нынешнего мира – это бесконечная мешанина идей, норм и ценностей, взаимоисключающих и не упорядоченных какой-либо одной иерархией ценностей. Несомненно, русский мыслитель Н. Бердяев прав, что «в поднявшемся мировом вихре в ускоренном темпе движения все смещается со своих мест... но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может не устоять человек, может быть разорван в клочья» [2, с. 414]. Совершенно очевидно, что в глобальном нынешнем беспорядке **существует угроза подлинным ценностям культур и цивилизаций – важным элементам качественно-конструктивного диалога**, так как «крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... а главное – непоправимо и глубоко колеблется сама наша вера в современную культуру; из ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с отвращением и недоумением» [5, с. 2-3]. Ответить на вопрос о причинах утраты «человеческого» облика также сложно, как сложен образ всей современной *цивилизации, подчиненной менеджерскому мышлению.*

Хотя, действительно, **в основе диалога должно быть человеческое достоинство как мерило мирового порядка, которое возможно только при развитой способности к состраданию и сочувствию.** Ведь **культура – это мир человека**, участвующего в ней, затерявшегося во множестве часто не понятных ему содержаний и форм и одновременно находящегося в ситуации небывалой доступности этой культуры, доступность всего всем. *Мир становится не только единым, но и одинаковым*, а бегство от него часто оказывается лишь поиском оригинальности любой ценой, вплоть до признания деперсонализирующей человека цивилизации денег и власти. Следует также признать, что **конструктивный диалог предполагает отказ от аморальной политики.** Глобализирующийся мир нельзя строить лишь средствами политики, с ведущей идеей о «равновесии страха», когда приходится угрожать применением ядерного оружия, чтобы предупредить несправедливую агрессию, а порой для сохранения гуманистических идеалов и ценностей. По этой причине директор Института востоковедения РАН В. В. Наумкин рассматривает *диалог культур как средство преодоления страха*, аргументируя такую концепцию словами французского ученого Доминика Моиси: «страх – это эмоциональный ответ на реальное или преувеличенное предположение о нависающей угрозе... страх ведет к защитному рефлексу, который отражает идентичность и хрупкость человека, культуры или цивилизации на данный момент... страх – сила для выживания в природно-опасном мире» [7, с. 11]. Итак, *нарушение культурного равновесия и неравенство в нынешнем мире, увеличиваясь быстрыми темпами, вызывает закономерное чувство страха.*

Более того, за неприятием некоторых стандартов глобализации отражается стремление переформулировать одни и те же ценности, но только на языке собственной культуры. Истинная культура может быть создана на едином для всех ценностном поле, но *с учетом изменения шкалы ценностей в общественном сознании.* При этом нужны ценности, понятные не только на языке собственной культуры. Такому пониманию способствует ряд факторов, таких, например, как миграции, несущие в себе различного рода фобии, столкновение разноориентированных ценностей и порождающие дискуссии касательно системы этих ценностей и проблем идентичности, а также рост числа инцидентов с религиозной подоплекой, которые иногда способствуют осознанию междоцивилизационных различий и, в конечном счете, выработке новых форм взаимодействия. Итак, **в основу диалога необходимо включить следующий элемент – дружеское расположение и внимательное отношение к мигрантам как к людям, играющим важную роль в преодолении роста экстремизма, терроризма и ксенофобии, религиозно-культурных конфликтов.** Об этом же в своей книге «Ближний Восток: вечный конфликт» известный востоковед, директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии, российский политический деятель Семен Багдасаров писал: «Ошская область, Джалал-Абадская область, Баткенская область и вообще юг Киргизии – это один из мощнейших очагов экстремизма и терроризма. Многие из мигрантов, кто приезжает сюда работать... вербуются в исламские радикальные организации и отсюда... уезжают воевать... Я участвовал в стабилизации ситуации в киргизском Оше и просил генерального секретаря Всемирного союза мусульманских богословов Али аль-Кардаги о посредничестве. Поездка стала для него шоком – он столкнулся с организациями, которые запрещены как террористические не только в Египте, но даже в Саудовской Аравии!..» [1, с. 245]. Конечно, многие с этим не согласятся по следующим причинам. Во-первых, потому что есть длинный перечень экстремистских и террористических организаций, запрещенных на территории Киргизии (Кыргызской Республики), нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы

противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму в Киргизии, концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере и пр. Во-вторых, справедливости ради, вспомним и об активной деятельности Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (ГКНБ КР), особенно Антитеррористического центра ГКНБ КР, Государственной комиссии по делам религий при Президенте Кыргызской Республики. В-третьих, проводятся учебно-методические семинары для сотрудников СМИ по теме религиозной журналистики. В-четвертых, с 2016 года не стоит забывать о введении в программу общеобразовательных государственных школ курса «История религиозной культуры», который не должен превратиться в преподавание теизма или же в навязывание теологического религиозоведения, вместо светского научного религиозоведения в отдельных регионах Киргизии. В-пятых, в некоторых университетах, столицы Киргизии, г. Бишкека, второй год преподается спецкурс «Противодействие религиозному экстремизму и формированию толерантности». В-шестых, в глобальном рейтинге терроризма из 162 стран Киргизия заняла 86-е место в прошлом году [10, с. 133]. Однако трудно не согласиться с вышеуказанным экспертом Семеном Аркадьевичем в том, что в Центральной Азии, безусловно, необходимо уделить особое внимание проблемам экстремизма и терроризма, межкультурному и межрелигиозному диалогу, так как существует постоянная зависимость от развития событий в Афганистане. Итак, *рассуждая в этом контексте о межкультурном и межрелигиозном диалоге, следует учитывать, что сложившиеся в процессе индивидуального развития взгляды, интересы, чувства и привычки человека, если они имеют здоровую коллективистскую направленность, способны успешно противодействовать отрицательному влиянию экстремизма и терроризма.*

В действительности важно понять, что диалог делает возможным выявление новых аспектов социокультурной действительности, потребностей и ценностей, которые при взаимной изоляции однозначно были бы недостаточно учитываемы в интересах человечества и не позволили бы отделить существенное от второстепенного. Ведь, несмотря на наличие общих духовных ценностей во всех культурах мира, каждая из них наделена своими уникальными особенностями. Тайские и индийские кварталы в Торонто, арабские кварталы в Париже, армянские – в Лос-Анджелесе, русскоязычный Брайтон Бич в Нью-Йорке, турецкий квартал Кройцберг в Берлине, пакистанские кварталы в Великобритании, китайские кварталы в Европе и Северной Америке имеют свой образ жизни, свою специфическую форму взаимодействия и самодостаточную социокультурную среду. Получается, что наша история – это постоянный поиск «чужих» и «своих» в окружающем мире. На наш взгляд, возникает социально-психологическая головоломка прошлой эпохи: если всякая общность, разнообразные «мы», определяет и осознает себя через сопоставление с разнообразными «они», то кто же «они» по отношению к рождающейся всеобщности – человечеству?

Таким образом, развитие культуры – это попытка ответить на проблемы и загадки, возникающие в процессе преобразования внешнего мира и в процессе адаптации человека к этому миру. Конечно, опираясь на опыт Европы, можно с определенной долей уверенности сказать, что чем выше число мигрантов в регионе, чем сильнее их территориальная локализация, тем меньше у них желания, а где-то и необходимости принимать участие в интеграционных процессах, а тем более ассимилироваться. Ведь даже одни и те же поступки и жесты в различных культурах истолковываются и оцениваются по-разному. Так, исследователи Дж. Ф. Энджел, Р. Д. Блэкуелл, П. У. Миниард приводят следующие кросс-культурные толкования жестов. В Перу *поднятие бровей* обозначает «деньги» или «заплати мне». В Королевстве Тонга поднятие бровей означает «да» или знак согласия. На Тайване *подмигивание* кому-нибудь воспринимается как невежливый тон. В Австралии считается непристойным подмигивать женщине, чтобы выразить доброжелательное отношение. В Европе и некоторых странах Латинской Америки *оттягивание века пальцами* означает «будь наготове» или «я настороже». В Италии *пощелкивание по уху* свидетельствует, что стоящий поблизости джентльмен женоподобен. В Индии *держаться за ухо* означает знак искренности или раскаяния. Подобный жест в Бразилии – держать мочку уха указательным и большим пальцем – обозначает высокую оценку услышанного или увиденного. В Великобритании *постукивание по носу* подтверждает секретность или конфиденциальность информации. В Италии постукивание по носу значит дружеское предостережение. *Показать нос* – это один из самых частых жестов в Европе, который означает «поддразнивание»; для значительного эффекта его делают двумя руками. В Пуэрто-Рико *шевеление носом* обозначает «что происходит?». В Италии кручение пальцем у щеки означает «похвалу». В Греции, Испании и Италии *поглаживание щеки* означает «привлекательный человек», в Югославии – «удача». В других странах Европы поглаживание щеки может означать «нездоровый» или истощенный человек [16, с. 115]. В целом, социальная философия и кросс-культурная психология показывают нам, что, во-первых, необходимо понимать и уважать систему ценностей, принятую в культуре другого человека, а во-вторых, *в основе диалога нужно учитывать такой значимый элемент как отношение инокультурных иммигрантов к коренным жителям страны.*

Учитывая вышеизложенное, отметим, что существует ряд причин, заставляющих исследователей говорить и о **дезинтеграционных тенденциях в глобализирующемся мире**. Одна из причин – это сохраняющийся дисбаланс в развитии стран, то есть разрыв между «богатыми» и «бедными» странами, входящими в какое-либо интеграционное объединение. Другая – это обостряющиеся цивилизационные и культурные противоречия, которых не может избежать практически ни одно интеграционное объединение, так как в условиях глобализации любое из них охватывает государства с различными культурными ценностями, традициями, кроме того, испытывает *миграционное давление*, то есть растет число незаконных и неадаптированных мигрантов. Однако интеграция продолжает оставаться наиболее влиятельной тенденцией мирового развития.

Сегодня интеграция для мигрантов из мусульманских стран представляет собой вхождение в новый для них социум, приспособление к нему посредством освоения непривычных социальных ролей и функций, преодоление психологического барьера индивидуумом при адаптации к иному окружению, выработку образцов поведения, приобщение к гармоничному сочетанию элементов родной культуры с элементами культуры пускающей к себе среды в соответствии с обстоятельствами. Между тем для принимающего общества процесс интеграции содержит следующее: обеспечение собственной безопасности путем мирного вхождения инокультурных мигрантов в социальную среду, оказание психологической помощи, проявление интереса к чужой культуре и обычаям, преодоление страха перед непривычным, позитивное отношение к другим членам общества и их культуре.

В разных странах интеграции способствует **многообразию культурно-развлекательных программ – от эксклюзивных до традиционных**. Например, на улицах итальянского города Ивреа устраивают настоящие апельсиновые бои – ежегодный карнавал апельсинов, в испанском городе Буньоль и Колумбии – томатные, в Тайланде и Индонезии – банановые; даже виртуальные онлайн игры нашей планеты посвящены различным фруктовым боям. Большой интерес у мигрантов и туристов вызывают костюмированные туры. Это может быть отдых на американском ранчо, где приезжие переодеваются в одежду ковбоев, получают снаряжение, обучаются приручению лошади к амуниции и экипировке, верховой езде в стиле вестерн, забрасыванию лассо. В Вене – федеральной столице Австрии – иммигранты и туристы могут взять напрокат платья и костюмы, стилизованные под одежду XIX в., и посетить профессиональные балы унтер-офицеров, пожарных, ветеринаров, фармацевтов, прачек, кондитеров, охотников. В музее «Скансен» под открытым небом, расположенном на острове Юргорден в Стокгольме, можно встретить прохожих в старинной шведской одежде. В России проводятся международный фестиваль «Территория мира» и костюмированное шоу на «Фестивале шляп». Большой интерес и положительные отклики у мигрантов получают музыкальные фестивали в Санкт-Петербурге. В Киргизии уже второй раз проходят Всемирные игры кочевников, где официальная парадная форма состоит из женского и мужского чапанов, головного убора – колпака, национальных брюк и рубашек. В странах Юго-Восточной Азии и в Южной Африке в фольклорных деревнях для трудовых мигрантов и туристов проводятся фестивали и разворачиваются театрализованные представления с участием аборигенов. Во всем мире мигрантов привлекают анимационные программы с костюмированными представлениями. Эти программы способствуют повышению интереса к культуре и активно применяются в тематических парках: Диснейленде (США), Евродиснейленде (Франция), легопарках (Дания), «Порт Аventura» (Испания), «Сочи Парке» (Россия) и др. *Благодаря всемирной компьютерной сети* мы узнаем не только о **бесплатных языковых курсах для мигрантов в парках** (например, «школа языков мигрантов» в московском парке искусств «Музеон»), но и о существовании **мультирелигиозных календарей** (специальный перекидной календарь для трех авраамических религий) в Греции и **мультирелигиозных свитеров** (разноцветный джемпер с изображением символов мировых и национальных религий, знаков мира и пр.) в интернет-магазинах Великобритании.

С учетом вышесказанного отметим, что многие разрабатываемые ныне теории и политические конструкции не рассматривают глобализацию как нечто, порождающее новую культуру и цивилизацию. Напротив, берется за краеугольный камень то, что она должна быть построена на господстве ценностей одной из культур или же на преодолении ценностного подхода и сведения проблемы идентичности к информационно-культурной идее [13, с. 126]. Сами мы считаем, что **без взаимообогащения подлинно ценным** человечество не сможет мирно сосуществовать и выйти из затянувшегося социокультурного кризиса. При этом важность вопроса о разработке нового мирового информационного порядка тоже нельзя недооценивать, потому что в условиях глобализации эффективность использования информации зависит не только от научно-технического обеспечения, но и от соотношения с общемировым информационным потоком. В этом контексте актуальна позиция профессора К. С. Гаджиева: «Вовлекая в свои сети все новые сферы и регионы, информационные и телекоммуникационные технологии способствуют формированию инфраструктуры единого информационного пространства. Это нечто вроде нового глобального, всепланетарного пространства, в котором, благодаря возможностям моментальной передачи информации на любые расстояния, локальное становится всемирным, а всемирное – локальным» [3, с. 6-7]. Полагаем, что в такой ситуации основными задачами информации должны быть: стремление к правде, объективной передаче новостей, при этом избегая лжи, клеветы, искажения и фальсификации. Из этого следует, что в **основе диалога** стоит учитывать значимый элемент – **отношение к ученым и религиозным деятелям, спортсменам и журналистам как к людям, играющим уникальную роль в межцивилизационном диалоге, потому что у них есть полномочия и способности демонстрировать позитивные примеры межкультурного и межрелигиозного сотрудничества, оперировать точными сведениями в реальной и виртуальной жизни**.

Показательно, что в последнее время благодаря олимпийским играм межрелигиозное сотрудничество активно растворяется в глобальных сетях. Позитивный вклад средств массовой информации в **религиозное измерение межкультурного диалога** особенно был заметен на Играх XXX Олимпиады в Лондоне. О проявлении огромного интереса к вере у спортсменов рассказал заместитель секретаря Папского совета по культуре, испанский священник Мельхор Санчес де Тока-и-Аламеда: «Практически с летних Олимпийских игр – 2012, проходивших в Лондоне, мы видим растущий интерес игроков к вере и религии. А особенно это было заметно на Параолимпийских играх в том же Лондоне, где религиозное измерение участников было уже явно присутствующим» [18]. В этой связи в Ватикане при содействии ООН, Международного олимпийского комитета и других организаций планируется проведение международного форума в 2016 году о роли религии и спорта в межкультурном и межрелигиозном диалоге.

Все эти ведущие тенденции межкультурного и межрелигиозного диалога мы видим как в мировом сообществе, так и в едином виртуальном пространстве; все в большей мере укореняются **единые стандарты** мультирелигиозных центров, межрелигиозной одежды, **единые нормы поведения**. Например, в 2014 году были открыты межрелигиозные центры в трех олимпийских деревнях в Сочи, а в 2016 году в олимпийской деревне в Рио-де-Жанейро (Бразилия) на XXXI летних Олимпийских играх открылся *мультирелигиозный центр*, где молились христиане, мусульмане, буддисты, иудеи и индуисты. Другой яркий пример – в 2016 году в Саудовской Аравии паломникам раздадут электронные идентификационные браслеты для усовершенствования жизни человека, в том числе ради безопасности. Во время хаджа *гаджеты* будут извещать верующих о начале ритуалов и предоставят возможность связаться с *мультиязычной справочной службой*, что особенно важно для *паломников*, не владеющих арабским языком. Такая универсальная культура позволяет людям адаптироваться к новым условиям жизни даже при переезде в другую страну. По мнению французского социолога А. Турена, «именно культура *интенсивно* (*курсив наш – Д. Б.*) формирует и упорядочивает картину мира, создавая для всех участников взаимодействия также единую систему мира и единые способы оценки поведения» [12, с. 204]. Таким образом, *глобализация и информатизация мирового пространства делают социально-религиозные отношения более открытыми для общественного контроля*.

Пожалуй, именно в глобальных сетях мы должны увидеть, как *одни и те же ценности при соответствующей упаковке и подаче могут быть использованы как для разрушительных, так и для созидательных целей*. Наконец, можно еще отметить, что даже основополагающие ценности, от которых зависит наше выживание, понимаются культурами, странами, народами, конфессиями по-разному в конкретную историческую эпоху. Например, Освальд Шпенглер неслучайно утверждал: «каждое существо воспринимает другое существо и его судьбу только в соотношении с самим собой... в каких бы ясных словах не выражала себя религия, они остаются всего лишь словами, в которые слушатель привносит свой смысл» [14, с. 31, 66]. Философ-идеалист О. Шпенглер считал, что наука и религия все дальше отходят друг от друга, так как направлены не на факты, а на истины, и относятся к табузированной стороне жизни и к пространству. Показательны в этом плане правильные утверждения российского философа В. С. Степина: «Именно в историческом развитии мировых религий кристаллизовались общечеловеческие нравственные ценности. Золотое правило нравственности (“поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе”) признается во всех мировых религиях. Религиозные заповеди “не убий”, “не укради” и другие также выступают как идеалы, регулирующие отношения людей. Правда, общечеловеческие ценности не выделены в чистом виде ни в одной из мировых религий. Они, будучи общим, инвариантным содержанием, сплавлены с особенным, с конкретными интерпретациями, выражающими специфику той или иной культурной традиции» [11, с. 249-250]. Но трудно согласиться с дальнейшими словами философа о том, что диалог между различными религиями как один из важнейших аспектов диалога культур затруднен именно в силу этого неразрывного соединения общечеловеческого и специфических его интерпретаций; если только в частных случаях. По нашему мнению, **активный характер взаимодействия общественного и индивидуального сознания в процессе духовного прогресса личности зависит не только от качественного своеобразия воспринимаемых общественных идей, но и от особенностей бытия индивида, которые могут мотивировать его на поиск тех или иных ответов на различные вопросы, порождать определенные духовные потребности, а также от того, насколько окружающая обстановка располагает конкретного человека к восприятию этих идей**.

В соответствии с нашей темой вспомним размышления о споре цивилизаций и диалоге культур философа Г. Померанца и поэтессы З. Миркиной. Они считали, что мусульмане, иудеи, христиане будут мирно сотрудничать в новой культуре и в дальнейшем, но как большинство людей, которые «принадлежат духу диалога, витающему над различием реплик» [8, с. 25]. Мыслители предполагали, что без понимания истины как диалога со всеми религиями мы не выйдем из социокультурного кризиса. Исследователи Г. Померанц и З. Миркина исходили из того, что «различие языков и образов религиозного опыта не может быть устранено, так как оно неотделимо от различия культур, от многоцветности мира» [Там же, с. 172]. Поэтому для них основное в становлении новой многообещающей духовности – «понимание выхода ее глубинного уровня за все слова, все знаки, понимание всех писаний как переводов с несказанного на высказанный человеческий язык» [Там же]. Конечно, соблазны создать какую-то новую религию или же вообще объединить положительные моменты всех религий в едином духовном движении – постоянно овладевают людьми. По всей вероятности, эти попытки принадлежат к жанру утопии. В этой связи президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский отлично отразил не столько вышеуказанный поиск суперэкуменического диалога, фиктивное перемирие религий, сколько внутреннюю идею страха. Он обеспокоен тем, что «религиозные направления как-то притираются друг к другу... ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя, вместе мы не трогаем всех прочих, а они, прочие, не морочат наши головы» [9, с. 278]. В такой ситуации дефицит взаимопонимания и сотрудничества становится угрозой миру на планете. На наш взгляд, **совместные действия, а не самоизоляция** – вот залог успеха в диалоге религий. Конечно, такие *существенные недостатки в обыденном сознании, как узость кругозора, метафизический образ мышления, крайняя ограниченность интересов, склонность к преувеличениям в оценке происходящих событий, к искусственно раздутым обобщениям отдельных фактов, приводят отдельных людей к самоизоляции от общественной жизни, порождают у них равнодушие к достижению конструктивного диалога*.

После идей В. Степина, Г. Померанца, З. Миркиной и Е. Сатановского уместно допустить, что «полифония культур, их самобытность, раскрывающаяся в диалоге, является реальностью современной цивилизации, поэтому гармонический характер межконфессиональных отношений можно обеспечить, учитывая плюрализм оснований религиозной толерантности» [6, с. 134]. В этом контексте мы полагаем, что **естественное**

взаимопроникновение культур, поиск компромиссов и обмен опытом могут привести к положительным результатам на пути к добрососедскому существованию и религиозной терпимости. В целом, рассматривая вопрос межкультурного и межрелигиозного сотрудничества, следует учитывать ряд моментов. Во-первых, современная цивилизация вряд ли способна преодолеть социокультурный кризис, не меня основных ценностей техногенной культуры и самих стратегий ее прогресса. Во-вторых, если будут меняться фундаментальные ценности, то это отразится на взаимоотношениях науки и религии. Причем важно осознать, что прогрессивные тенденции в этих отношениях могут рассматриваться как места увеличения и скопления новых ценностей; а необходимое нам **новое качество взаимодействия ценностей цивилизаций, сообразно с обыденным и научным сознанием глобализирующегося мира, в свою очередь требует методологической культуры ученого, применения новых методологических подходов, в том числе методов цивилизационного анализа, научного абстрагирования, способов поиска научной истины и их теоретического обоснования.**

Итак, мы живем в сложном и быстро меняющемся мире, где комплекс ценностей включает в себя стремление к новизне и выгоде, предпочтение количества качеству, примат моды вместо примата воспитания. При этом жажда власти и потребления оказывается сильнее вечных истин, ценностей, разума и надобности в общей культуре. Пожалуй, в таком противоречивом мире человек – несовершенное существо, но не в отношении высшей ценности или абсолютной идеальной иерархии ценностей, а *в отношении процесса реализации своей человеческой сущности*, в отношении множества возможностей, реализуя которые человек формирует и совершенствует самого себя. По нашему мнению, именно в процессе диалога преобразуя общество и природу, человек преобразует самого себя. В этой связи человеческому роду следует объединить усилия по построению миропорядка, *свободного от двойных стандартов*, при котором важнейшей целью истинной культуры будет формирование нового человека, всесторонне развитой личности, превращение научного мировоззрения в осознанное убеждение каждого члена общества, воспитание в нем высоких моральных качеств, обогащение его духовного мира без преувеличения роли ценностных механизмов в регуляции человеческой деятельности, но с учетом общественных противоречий. **В заключение хотелось бы подчеркнуть, что будущая общечеловеческая культура не уничтожит неповторимой самоценности отдельных культур, сотворчество и диалог которых в их пестром многообразии и составит искомое общее.**

Список литературы

1. Багдасаров С. А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Э, 2016. 288 с.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М.: Искусство; МЧП «Лига», 1994. Т. 2. 512 с.
3. Гаджиев К. С. Размышления о перспективах мир-системы // Власть. 2016. № 2. С. 5-13.
4. Зиммель Г. Конфликт современной культуры / пер. с нем. Е. М. Арсенева. Пг.: Начатки знаний, 1923. 40 с.
5. Лопатин Л. М. Современное значение философских идей кн. С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. М., 1916. Кн. 131 (1). С. 1-39.
6. Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: проблемы семантики и критика основных стратегий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2. С. 129-134.
7. Наумкин В. В. Диалог между культурами как средство преодоления страха // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. Тюмень, 2012. № 3. С. 11-15.
8. Померанц Г., Миркина З. Спор цивилизаций и диалог культур (лекции и статьи нулевых годов). М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 504 с.
9. Сатановский Е. Я. Шла бы ты... Заметки о национальной идее. М.: Э, 2016. 512 с.
10. Справочник по проблемам экстремизма и терроризма в Кыргызской Республике / под общ. ред. Д. А. Брусилковского. Бишкек: Триада, 2016. 142 с.
11. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
12. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 2006. 204 с.
13. Фазельянов Э. М. Диалог цивилизаций. Россия и мусульманский мир. М.: Междунар. отношения, 2013. 360 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. Минск: Попурри, 2009. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. С. Э. Борич. 704 с.
15. Эволюция идей II Ватиканского собора: реферативный сборник / под общ. ред. М. П. Гапочки, В. И. Гараджи. М., 1987. 177 с.
16. Энджел Дж. Ф., Блэкуелл Р. Д., Миниард П. У. Поведение потребителей. СПб.: Питер Ком, 1999. 768 с.
17. Nicolas J. N. Le Christ centre et fin de l'histoire // Revue thomiste. Toulouse, 1981. Т. 81. № 7. P. 357-380.
18. Radio Vaticana [Электронный ресурс]. URL: <http://radiovaticana.va> (дата обращения: 13.08.16).

INTERCULTURAL AND INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS A WAY TO ACHIEVE TRUE CULTURE

Brusilovskii Denis Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Kyrgyz Russian Slavic University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
denis6605@mail.ru

The article considers dialogue as a joint search for authentic culture and suggests a new approach to dialogue understanding: "dialogues differ". The author's task is also to find a common criterion of culture progress, as in theories and political structures being developed nowadays globalization is not regarded as creating a fundamentally new culture in the civilization development of the humankind more and more frequently. The author's position regarding the main cause of the complication of interreligious dialogue and the religious dimension of intercultural dialogue in the context of virtual reality is presented.

Key words and phrases: values; dialogue of cultures; tolerance; multi-religious centre; multi-religious clothes; consciousness.